

Дворец Вэй стоял на высоком холсте, и для коротких детских ножек преодолеть эти ступени было сущей мукой. К тому же лестницу занесло толстым слоем снега. Се Чэньлу, чей суровый нрав был известен всем, при виде того, как Туаньцзы едва не оступился, невольно смягчился, однако, протянув руку, так и не решился поднять ребенка.

Он сделал это раньше.

Легкое серебристое сияние подхватило Туаньцзы, помогая ему подняться. Створки дворцовых ворот с тихим скрипом разошлись, открывая взору юношу в тонком нижнем одеянии. Его черные волосы были распущены, в руках он держал свиток, а глаза, едва подняв веки, устремились на вошедших.

Сердце Се Чэньлу, пребывавшее в мертвенной тишине сотни лет, словно содрогнулось от мощного удара, и в глубине его души поднялась буря.

Он был невероятно умен. Стоило лишь ненадолго отвлечься от гнетущего отчаяния, как его мысли мгновенно пришли в движение.

Поэтому, когда Чу Цзюань спросил, кто он, Се Чэньлу, не раздумывая, припал к бледным, непривычно холодными губам, которые слишком долго соприкасались с ледяным гробом.

Движение было порывистым и неуклюжим, почти грубым. Он до крови прикусил губу Чу Цзюаня, обнажив клыки, словно опасный хищник, наконец-то вцепившийся в добычу, о которой грезил вечность.

В этот миг в нем не осталось ничего от того хладнокровного бога Цзишуй, умевшего скрывать свои чувства. Он походил на безумца, одержимого своей целью.

Чу Цзюань замер от неожиданности. Не успел он прийти в себя, как тут же нахмурился и оттолкнул его:

— Наглец!

Возможно, из-за долгого сна лицо Чу Цзюаня было пугающе бледным, почти прозрачным, но капля крови на губе придала ему немного жизни. Гнев в его глазах вспыхнул подобно молнии, однако, несмотря на всю властность, он не мог скрыть болезненной слабости.

Се Чэньлу никогда прежде не был отвергнут Чу Цзюанем. В тот момент, когда его отстранили, в его глазах на мгновение промелькнула кровавая пелена. Он тут же подался вперед и прижал Чу Цзюаня обратно к ледяному гробу.

Одной рукой он намертво вцепился в запястье Чу Цзюаня, другой надавил на шею, не давая ему пошевелиться, и, подавляя своей мощной аурой, медленно навис сверху.

А затем уткнулся лицом в грудь Чу Цзюаня.

Он замер у самой шеи, впившись зубами в ткань халата. Его дыхание было едва уловимым, он прижимался к самому сердцу, прислушиваясь к его медленному, мерному битию.

Лишь спустя долгое время, словно окончательно убедившись, что тот жив, что дыхание и сердцебиение реальны, а объятия теплы, он медленно разжал пальцы. Но, опасаясь, что Чу Цзюань исчезнет, он тут же сменил хватку, обхватив его шею руками.

— Господин...

Его голос, обычно мягкий и приятный, сейчас был до предела сдавлен. Казалось, тысячи слов, скопившихся внутри, слились в одно единственное обращение, выстраданное и произнесенное сквозь стиснутые зубы.

Целых триста лет он не мог поговорить с господином, не мог ощутить его тепла, не мог...

В голосе Чу Цзюаня слышалось едва уловимое раздражение:

— Отпусти!

Впоследствии Се Чэньлу находил этот день абсурдным. За все те сотни лет он и представить не мог, что однажды Чу Цзюань оттолкнет его, и не раз, а снова и снова.

Сначала он решил, что господин просто сердится, и если он признает свою вину, все наладится.

Он продолжал насильно обнимать его, зарываясь лицом в шею и сбивчиво бормоча, теряя всякое самообладание:

— Господин, господин, я был неправ, взгляните на меня, это я, Чэньлу... я виноват...

Все решения, принятые им в жизни, оказались чудовищной ошибкой — он так и не смог заглянуть в собственное сердце.

Он полагал, что стоит ему проявить покорность, как господин обязательно сжалится, ведь Чу Цзюань никогда не мог вынести, если кто-то страдал, и даже легкая тень на лице Се Чэньлу заставляла его беспокоиться.

Но в этот раз Чу Цзюань не стал потакать ему. Он нахмурился, и в его взгляде промелькнуло нетерпение.

— Кто ты такой?

Стоя в шаге от ледяного гроба, с отчужденным и настороженным взглядом, Чу Цзюань заставил Се Чэньлу содрогнуться от холода. Впервые он почувствовал, что господин бесконечно далек.

Се Чэньлу отдал зонт подошедшему слуге, опустил глаза, скрывая боль, и, взяв Туаньцзы за руку, сделал шаг к Чу Цзюаню.

Он ждал его триста лет — долгие, мучительные годы. Раз господин забыл, что ж, пусть так. В этой жизни он больше не отпустит его.

Поэтому он обнял его, глядя в полные сомнения глаза, и прижался лбом к его лбу.

Словно под действием чар, он прошептал:

— Господин, я ваш Нэйцзюнь.

Тот, кто был предназначен ему судьбой, с кем он должен был поддерживать друг друга до конца дней и вместе встретить старость.

Его законный супруг, которого он когда-то открыто просил в мужа, теперь даже не узнавал его.

От этой мысли в сердце Се Чэньлу разлилась горечь, но, как только двери дворца закрылись, он мгновенно взял себя в руки.

Снег и ветер остались снаружи. На сапогах Се Чэньлу таяли снежинки, лишь на висках блестели капли влаги, придавая его глазам странное сочетание ледяной холодности и нежной страсти.

Чу Цзюань держал в руках два древних свитка. Увидев вошедшего, он захлопнул книгу и поднял голову. Перед ним возникло ослепительно красивое лицо, он даже почувствовал его дыхание.

Положив руку на сердце, нельзя было не признать: Се Чэньлу был невероятно хорош собой. Даже среди небожителей, славившихся своей красотой, он считался совершенством. За триста лет он обрел утонченный и изысканный облик, став прославленным врачевателем.

Пережив удары судьбы, его взгляд стал холоднее, а из-за того, что Чу Цзюань перед смертью передал ему управление Девятью Небесами, в нем появилась властность. Он обладал уникальным темпераментом: холодное отчуждение для всех остальных и особая, нежная мягкость для Чу Цзюаня, а еще... безумие, затаившееся в глубине глаз.

Одним словом, он был тем, ради кого можно было пойти на все. С таким лицом даже ложь

звучала убедительно.

Но когда этот красавец, глядя с нескрываемой нежностью, произнес: Господин, вы забыли, я всегда сам отирал вам виски, — Чу Цзюань лишь промолчал.

...

Се Чэньлу, не моргнув глазом, плел небылицы, но он не был дураком.

Отирал виски? Да этот чистюля, помешанный на гигиене, раньше даже при перевязке ран завязывал глаза и трижды мыл руки, прежде чем коснуться его.

Чу Цзюань едва заметно шевельнул пальцами, собираясь сотворить заклинание, но Се Чэньлу тут же перехватил его запястье.

На губах Се Чэньлу дрогнула улыбка, которую он тут же подавил:

— Господин, ваши раны еще не зажили, не стоит использовать духовную энергию.

Туаньцзы, помявшись, попытался взобраться на колени к Чу Цзюаню. Се Чэньлу нахмурился и прикрикнул:

— Не балуйся, у отца еще не зажили старые раны...

Но Чу Цзюань уже протянул руки, и Туаньцзы, виляя хвостом, вскарабкался к нему. Ребенок был мал, и из-за того, что при рождении ему не хватило жизненных сил, у него часто пропадали не только рога дракона, но и хвост.

Малыша звали Чу Няньцзюнь, но все привыкли называть его Туаньцзы. Позанимавшись с Бессмертным Старцем, он устал, зевнул и, обняв Чу Цзюаня за руку, принялся рассказывать, чему научился сегодня.

Бедный ребенок, он впервые увидел живого отца спустя триста лет и теперь не хотел отходить от него ни на шаг.

Бифан, стоявший рядом, тихо наклонился к Се Чэньлу:

— Нэйцзюнь, Юи Лингуань ждет вас во внутреннем дворце.

Юи Лингуань был сведущ в медицине, и хотя сам Се Чэньлу был врачом высшего класса, он не смел проявлять беспечность в отношении состояния Чу Цзюаня. Говорят, врачу трудно лечить самого себя, а когда дело касалось самого дорогого человека, он боялся допустить малейшую ошибку.

Се Чэньлу ласково попрощался с Чу Цзюанем и ушел. Юи Лингуань ждал его уже давно, чай на столе остыл. Увидев Се Чэньлу, он снова склонился в поклоне:

— Нэйцзюнь.

— Не нужно церемоний. Как раны господина?

Он сам проверял их бесчисленное количество раз, но так и не нашел причины. Пробуждение Чу Цзюаня было слишком внезапным — он словно просто открыл глаза после долгого сна.

И время было выбрано удачно. Еще немного, и...

Взгляд Се Чэньлу стал ледяным. Если бы господин не проснулся, ему пришлось бы отправиться в дикие земли, подвластные Цинхэну. А это означало бы войну, в которую втянулись бы все Девять Небес.

Ради господина он был готов на все, но лучше было избежать прямого столкновения, ведь он копил добродетели, молясь за его благополучие.

Се Чэньлу задумчиво вертел в пальцах чашку, погружившись в свои мысли.

— Сейчас я ничего не вижу. Возможно, те редкие снадобья, что вы давали ему триста лет, возымели действие. Тело господина все еще слабо, ему нужен долгий покой и тщательный уход.

Раз с телом все в порядке, напряжение в бровях Се Чэньлу немного ослабло. Он встал, заложив руки за спину, и посмотрел на бушующий за окном снег. Его губы сжались в тонкую линию, профиль стал острым, как лезвие меча, отчего Юи Лингуань невольно вздрогнул.

— Господин... он не помнит... — в голосе Се Чэньлу сквозило раздражение.

Все пропало. В холодный зимний день Юи Лингуань почувствовал, как по лбу скатилась капля пота. Он не смел даже дышать:

— Нэйцзюнь, не стоит беспокоиться! У меня есть лекарства от потери памяти, я сейчас же принесу их!

— Не нужно. — Голос Се Чэньлу прозвучал внезапно. Он смотрел на снег, брови то сходились, то расходились. Спустя долгое время он выдохнул и, когда Юи Лингуань хотел что-то добавить, резко повысил голос, полный скрытой ярости: — Я сказал, не нужно лечить!

Юи Лингуань замер, словно пораженный громом. Он совершенно не понимал, чем снова прогневал этого переменчивого бога.

Когда-то бог Цзишуй был воплощением мягкости и изящества, его улыбка согревала сердца. Но это было триста лет назад.

С тех пор как триста лет назад господин погиб, Нэйцзюнь словно переменялся. Почти сотню лет он был безумен, и единственным смыслом его существования стало удержание Девяти Небес, чтобы сохранить все, что оставил господин, и грабить любые земли в поисках средств для его пробуждения.

В последние годы он стал спокойнее, но никто не смел дышать в его присутствии. Кто знает, поможет ли пробуждение господина исцелить его безумие.

После ухода Юи Лингуаня Се Чэньлу еще долго стоял на улице, сжимая губы. Лишь спустя время он смог успокоиться.

Вернувшись, он обнаружил, что лампы уже погасли.

Его лицо на мгновение стало холодным — господин даже не дождался его.

Может, он просто устал? Се Чэньлу подавил нехорошее предчувствие и на цыпочках вошел внутрь. Там он увидел, что Туаньцзы свернулся калачиком в объятиях Чу Цзюаня и сладко спит.

Се Чэньлу: «...»

Это должно было быть его место.

Но вспомнив, что Туаньцзы триста лет не видел отца...

Через четверть часа слуга, наблюдая за тем, как Нэйцзюнь уносит ребенка, растерянно моргнул. Он поднял глаза на Нэйцзюня, чье лицо было бесстрастным:

— Завтра ему снова к Бессмертному Старцу, а Дворец Вэй слишком далеко. Сегодня он переночует со мной.

Слуга машинально подчинился, но, пройдя полпути, вдруг сообразил, что что-то здесь не так.

Верно, ведь они могут перемещаться по облакам в мгновение ока? К чему эти разговоры о расстоянии? Да и Дворец Вэй был гораздо ближе.

Слуга оглянулся, но двери уже плотно закрылись.

Отправив Туаньцзы, Се Чэньлу вернулся к постели. Последние дни господин проводил с ребенком... если подумать, он не был так близок к нему уже триста лет и три дня.

В ночной тьме, в отсветах снега, ярко блестели его глаза, в которых скрывалось сдерживаемое безумие.

Как величайший врач в мире, мог ли он не знать состояния господина? Потеря рога дракона уже стоила ему жизни, и даже если он проснулся, то лишь наполовину.

Его тонкие, теплые пальцы медленно очерчивали черты лица — брови, переносицу, тонкие губы и изящную линию подбородка.

Самые страшные раны — не телесные, а душевные.

Он сам спланировал потерю рога, заставив господина в отчаянии вырвать его...

При этой мысли лицо Се Чэньлу непроизвольно дернулось. Нет, он никогда не хотел убить господина!

Но он действительно ранил его сердце, и теперь господин помнил всё, кроме него самого.

Маска нежности на лице Се Чэньлу почти треснула, но вскоре он почти болезненно усмехнулся. В темноте он лег рядом, обнял Чу Цзюаня со спины, скрестив руки на его талии, и уткнулся лицом в его худую спину.

— Господин, хорошо, что вы забыли...

Его голос был хриплым, в нем сквозило странное, пугающее облегчение.

Если он забыл все, можно начать сначала. Никто не расскажет ему, что произошло.

Он никогда не забудет, что сказал, стоя на коленях у ледяного гроба. Прижавшись лбом к его лбу, он мгновенно придумал историю и, подавляя дрожь в пальцах, тут же произнес ее:

— Мы выросли вместе, у нас была глубокая привязанность. Вы спасли меня, синего оленя, я сопровождал вас в жизни и смерти, мы спускались в Бездну Убийства Драконов, и у нас есть ребенок по имени Туаньцзы. Триста лет назад вы совершили ошибку во время медитации и погрузились в глубокий сон...

Он плел эту искусную ложь, вкладывая в нее всю свою горечь, и теплые, соленые капли падали на плечо Чу Цзюаня:

— Господин, Чэньлу ждал вас, как же я страдал...

Это была гигантская ложь, но пока она держалась, все шло своим чередом.

А то, что это было подобно утолению жажды ядом — он знал, но не хотел об этом думать.

Лишь когда дыхание за его спиной стало ровным, Чу Цзюань, который в темноте должен был спать, медленно открыл глаза. Его обнимали так крепко, что было трудно дышать. Чу Цзюань с трудом повернулся и взглянул на того, кто спал так безмятежно.

— ...

И ведь умеет же врать.

003 восхищенно вздохнул:

— Главный герой-шоу действительно заслуживает своего звания, мастерски выкручивается...

Мастерски...

003 вывел панель показателей: «Текущий уровень любви главного героя-шоу к хозяину — 100, уровень отчаяния — 0».

Если главный герой погибнет, мир рухнет. Если умрет Чу Цзюань, Се Чэньлу уничтожит мир. Его задача — удержать мир от краха, не дать Се Чэньлу сойти с ума и убить Цинхэна. Разумеется, было бы неплохо, если бы сюжет вернулся в нужное русло.

003, притаившись на плече Чу Цзюаня, помялся, но все же спросил:

— Хозяин, я так и не понял одну вещь. Почему вы притворились, что потеряли память?

Чу Цзюань:

— Если бы ты был собачкой, которая лизала кого-то сотни лет, и вдруг получила желаемое, почему бы тебе не сойти с ума?

003 не понимал человеческих чувств и выглядел озадаченным.

— Потому что сердце разбито вдребезги и я не могу это принять? — Чу Цзюань поднял взгляд на потолочные балки. — Конечно, потому что я не хочу работать сверхурочно.

003: «...»

Чу Цзюань с трудом вытянул руку из захвата Се Чэньлу и коснулся пальцами показателей на панели. Его взгляд был мрачен:

— Нужно довести уровень отчаяния Се Чэньлу до ста, и я смогу покинуть этот мир.

Значит, нужно решать проблему быстро.

<http://bllate.org/book/18619/1792525>